

ЧАСЪ СЛАВЫ!

Гений рождаются, а не создаются. Гений всегда стоят выше своего времени. Гений никогда не умирают...

Гений рождаются, а не создаются. Гений всегда стоят выше своего времени. Гений никогда не умирают...

Гений рождаются, а не создаются. Гений всегда стоят выше своего времени. Гений никогда не умирают...

Гений рождаются, а не создаются. Гений всегда стоят выше своего времени. Гений никогда не умирают...

Гений рождаются, а не создаются. Гений всегда стоят выше своего времени. Гений никогда не умирают...

Гений рождаются, а не создаются. Гений всегда стоят выше своего времени. Гений никогда не умирают...

Гений рождаются, а не создаются. Гений всегда стоят выше своего времени. Гений никогда не умирают...

Гений рождаются, а не создаются. Гений всегда стоят выше своего времени. Гений никогда не умирают...

Гений рождаются, а не создаются. Гений всегда стоят выше своего времени. Гений никогда не умирают...

Гений рождаются, а не создаются. Гений всегда стоят выше своего времени. Гений никогда не умирают...

Гений рождаются, а не создаются. Гений всегда стоят выше своего времени. Гений никогда не умирают...

Гений рождаются, а не создаются. Гений всегда стоят выше своего времени. Гений никогда не умирают...

Гений рождаются, а не создаются. Гений всегда стоят выше своего времени. Гений никогда не умирают...

Гений рождаются, а не создаются. Гений всегда стоят выше своего времени. Гений никогда не умирают...

Гений рождаются, а не создаются. Гений всегда стоят выше своего времени. Гений никогда не умирают...

Гений рождаются, а не создаются. Гений всегда стоят выше своего времени. Гений никогда не умирают...

Гений рождаются, а не создаются. Гений всегда стоят выше своего времени. Гений никогда не умирают...

Гений рождаются, а не создаются. Гений всегда стоят выше своего времени. Гений никогда не умирают...

на даяния разстояній отдаляют его творения отъ тѣхъ сибиротворцевъ и зубославцевъ, негодующихъ, презирающихъ, кои составляли фалангу возмущенныхъ сатириковъ.

Но если сердце его всегда проникнуто христіанскою грустью и жалостью къ людямъ, при видѣ ихъ низменнаго духовнаго состоянія и нравственныхъ паденій, то воля его рую-водилахъ тремя главными стремленіями:

1) Исканіемъ и проведеніемъ правды. Еще на школьной скамьѣ онъ даже искусственно добивался правды въ отношеніяхъ къ нему товарищей; а затѣмъ, втѣченіе всей своей жизни непрестанно выразалъ убѣжденіе, что «правда дороже и святѣе всего на свѣтѣ, что голосъ благороднаго безпристрастія болѣе долговѣченъ и глубже проникаетъ во все души».

Въ этой правдѣ направлялся и тяготѣлъ онъ во всехъ своихъ твореніяхъ.

2) Другимъ его нравственнымъ порывомъ было стремленіе къ внутреннему совершенству, къ нравственной чистотѣ своихъ мыслей, чувствъ и дѣяній. Еще въ юныя лѣта онъ заявлялъ объ этомъ стремленіи въ письмахъ къ матери, а впоследствии забота о томъ стала подвигомъ его жизни.

3) Наконецъ, съ юныхъ лѣтъ въ немъ жило страстное и неуемное стремленіе совершить что-либо важное на общую пользу Россіи; въ одной бесѣдѣ съ матерью онъ заявлялъ, что «если Богъ удостоитъ его быть полезнымъ своему отечеству, то онъ будетъ считать себя счастливейшимъ человекомъ, но при этомъ воображалъ, что не допуститъ къ тому обстоятельства, онъ чувствуетъ, что холодный потъ выступитъ у него на лбу».

Такова была нравственная природа Гоголя во всехъ его главнѣйшихъ сферахъ. Въ переломъ своей сдѣланный онъ увѣряетъ ихъ, что онъ никогда не измѣнитъ своихъ убѣжденій въ главныхъ положеніяхъ, никогда не колебался изъ стороны въ сторону и отъ дней юности до предвѣчныхъ лѣтъ оставался всегда однимъ и тѣмъ же.

«Горькимъ смѣломъ милое посольство» — говорилъ древній пророкъ, изображая нравственное паденіе своего народа.

Низменная человѣческая жизнь; глубокая ея язва; незаметно подпадаетъ человекъ подъ власть магоны, золотого тельца и мірской суеты. Незаметно наступаетъ отвратительная старость.

Подобно древнему пророку, Гоголь стоитъ на высотѣ и глядитъ на людей, какъ-бы съ неба, на землю, съ горечью и слезами. Изображая предъ нами низменную, пустую и гнусную жизнь нашу, онъ дѣлаетъ ее крайне сѣвнымъ въ нашихъ собственныхъ глазахъ, ту самую жизнь, которая весьма обильно, никого не поражаетъ и въ обдуманномъ сознаніи трагедуетъ, какъ жизнь правильная и даже счастливая.

Мы не будемъ останавливаться на первой стадіи его творчества, на тѣхъ его юныхъ произведеніяхъ, кои исполнены беззаботнаго смѣха и веселости и кои не имѣютъ нѣкой цѣли, кромѣ веселья. Журнальный міръ встрѣтилъ ихъ непріятливо, но въ юномъ талантѣ нашихъ литературныхъ вѣселя и запросамъ.

Въ одной изъ картинъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» онъ со всею «силою своего смѣха» изображаетъ предъ нами «оземленіе» людей и ниспаденіе ихъ до магоны. И депъ, и пооденъ, и ночь, и полночь замыкаются въ ихъ жизни этой магоной. Старикъ и старуха (Иванъ Ивановичъ и Пухлячъ Иванова) не столько живутъ, сколько прозябаютъ. Она добродушна и проста, а потому призрачна; и ключница называемая. Она любитъ другъ друга, но эта любовь такова, что старуха-мать, умирая и какъ-бы съ того свѣта странными влѣтками закликаетъ прислугу, чтобы она ничѣмъ не нарушила покойнаго счастья чю животнаго существованія остающегося въ живыхъ своего мужа, и чтобы онъ продолжалъ блаженствовать

Ты забудешься не скоро, Славный авторъ «Ревизора», И художникъ «Мертвыхъ душъ»!

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ Н. В. ГОГОЛЯ. Отъчуръ русскаго реализма, богато одаренный отъ природы, еще въ пору ранней юности сталъ обнаруживать необыкновенно острый умъ, смѣлты и находчивость, вѣсть съ магоны, выдумку и проказки, на которыхъ онъ былъ такой мастеръ. Въ пребываніе свое въ гимназіи, Гоголь часто во время урока выходилъ изъ класса и спокойно прогуливался по корридорамъ. Завѣда директоръ, сообщая его родителямъ по мѣткѣ, онъ не притался, какъ другіе воспитанники, а употребилъ своего рода уловку.

— Ваше превосходительство! — право обращался Гоголь къ начальству. — Я сейчасъ получу отъ матушки письмо. Она поручила засвидѣтельствовать м-му пр-ву усерднѣйшіи поклонъ и довести, что по вашему мѣткѣ идетъ все хорошо.

— Думно благодарю, — отвѣчалъ директоръ. — Будете писать матушкѣ, не забудьте помянуть ей отъ меня и благодаритъ ее.

И оба расходились въ разные стороны.

Въ той-же гимназіи учитель русскаго словесности любилъ заставлять учениковъ что-нибудь сочинять, не только прозой, но даже и стихами. На одномъ урокъ Гоголь подалъ ему стихотвореніе Пушкина «Пророкъ», съ оной-кой совѣстью расчитывая, что резолюція профессора послѣдуетъ благоприятная. Но Николай, прочитавъ чудное стихотвореніе, похорчился въ, по призыву, началъ его перелдывать. Внонецъ изродевавъ стихотвореніе, профессоръ возвратилъ его обратно низкому автору съ внушеніемъ, что стихъ такъ плохо пишетъ. Гоголь не выдержалъ публичнаго порицанія своего дурака.

на землѣ точно такъ-же, какъ при ней. По тѣмъ сибитне изображена внѣшняя сторона отъ грубой, матеріальной, животной жизни, тѣмъ сильнѣе чувствуется, какъ глубоко гореч пророка при видѣ такой возмутительной власти магоны надъ нравственнымъ идеаломъ чювѣчества. Слѣдствіе привольнаго жизни за казывается какъ-бы изъ самого гроба и магоны. И не по этой-ли самой магоной плоскости къ магоны, къ матеріальной роскоши идетъ современное чювѣчество?

Но если, въ первой повѣсти «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» пость изображалъ предъ нами постыдное самодовольство магоны, то въ другой онъ ршеуетъ предъ нами скуку жизни, порожденную лѣтностью, бездѣльничествомъ, при полномъ отсутствіи магоны-бы то ни было нравственнаго содержанія.

Вотъ два друга среди «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», два физическы и нравственныя урода (Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ), оба они лѣны; только одинъ почти весь день лежитъ подъ навѣсомъ, а другой — на крыльцѣ, зѣвѣда заглядывая на дворъ маю уедини. Одинъ съ потугами на просвѣщеніе: онъ ведетъ дневникъ, но въ немъ записываютъ, какъ великое событіе, когда и съ тѣмъ менше сдѣлана нѣтъ или другая дѣля; и онъ съмылетъ также чювѣкомъ набожнымъ, читаетъ и поетъ на клиросѣ, но у дверей храма сердце его закрыто для просвѣщенія, онъ удостоивается съ разговоромъ, но не насается своего нарвала. Другой, во всемъ похожий на пріятеля, любитъ лѣтять грутъ свою спину на солнцѣ или-же погружаться въ воду и въ такомъ положеніи цѣль чаетъ.

Возможна-ли дружба среди такой нравственной пустоты?

Друзья поссорились изъ-за старика, никому и никому ненужнаго ружья. Вся жизнь они потонули сдѣлами и оба въ концѣ разорвались. Гнусное чювѣство возбуждаетъ эта слышная исторія. («Случно жить на свѣтѣ, господа!» — восклицаетъ Гоголь.)

Оба эти типа не представляютъ ли собою первообразъ «Обломовщины» Гончарова, столь характерной для русскаго нагуры? Не виднѣмъ-ли мы и нынѣ, съ новымъ скопленіемъ богатствъ, среди сноты и матеріальнаго довольства, — ничегонѣдланія и скуки? И что такое общественное умнѣе въ современномъ чювѣчествѣ, какъ не прямой результатъ паденія духа матеріи?

Но если сдѣланы помѣщики были знакомы Гоголю. Онъ хорошо зналъ и петроградскіе департаменты.

Въ повѣсти «Шинель» онъ изображалъ предъ нами канцелярскаго бумбѣвство, канцелярское бездѣліе и неостоты, которая вылетаетъ тамъ какъ въ товариществѣ, такъ и въ начальствѣ. Жалъ становится несчастна жертву отъ мертвячей канцелярии. Мелкій чиновникъ, (Акакій Акакіевичъ) отупѣвшій, ошмиваемый и обманяемый товарищами, былъ оскорбленъ своимъ начальствомъ въ самой глубинѣ сердца, въ горькую минуту разбитаго его счастья, самого маленькаго на землѣ счастья. Онъ протрудился и умеръ: «никуда существо, нѣтъ ни защитника, никому не дорожно, ни для кого не интересно». До крайности сѣвныя внѣшняя сторона этой исторіи, но глубоко трагичеъ и поучительна ея внутренній смыслъ. И не по этой-ли наклонной плоскости идетъ атрофія сердца въ современномъ чювѣчествѣ?

Въ послѣдней стадіи развитія своего творчества Гоголь отъ отдѣльных типовъ переходитъ къ общественнымъ вопросамъ и поэтически ршеуетъ картинамъ глубокаго общественнаго значанія. Въ этотъ періодъ являются безсмертными его творенія: комедія «Ревизоръ» и поема «Мертвыя души», написанныя по мысли и исполненныя Пушкина.

Еще задолго до появленія комедіи тогдашніи знаменитыя литераторы, какъ видно изъ письма Цветаева къ Жуковскому, ждали отъ нея нѣкой вышней совершенства, — и ожиданія ихъ блестяще оправдались.

Обыкновенно думаютъ, говорить и шипутъ, что въ этой комедіи Гоголь открылъ и обнажилъ наши общественныя язвы, какъ-то: взяточничество, казнокрадство, самоуправство, насилие и т. п., но въѣдъ и тогда въѣдъ и знаи эти язвы, какъ видятъ и знаютъ ихъ и теперь. Главная бѣда состояла не въ этомъ; было зло этого злога, это — общественное равнодушіе къ этимъ язвамъ, это слѣпо (этическое) направленіе общественнаго сознанія, которое услышало общественную совѣсть, привирало съ открытостью, совершенно безъ стѣсненія, совершавшимъ зломъ, и даже закрывало очи для него самой нравственной власти: «всѣмъ казалось, что дѣла обстоитъ благополучно. До-родился съ поврежденнымъ черепомъ, вслѣдствіе чего его умственные способности на всегда остались въ ненормальномъ состояніи. Чудолобная мать наняла учителя, на котораго возлагала обязанность хоти до извѣстной степени развитъ понятливость бѣднаго страдалца. Къ Васильчичу пріѣхалъ какъ-то онъ племянникъ, гр. Сологубъ, авторъ знаменитаго свое время «Таратаска». Узнавъ, что въ домѣ тетни находится «схотникъ до русскаго словесности, который самъ даже что-то пописываетъ», хотъ вожелалъ съ нимъ познакомиться. Гр. Сологубъ вомелъ въ дѣтскую. Тамъ поставивъ, указывая своему ученику на разлѣженныя по столу изображенія разныхъ животныхъ, занялся попраманіемъ ихъ бѣшенію, мчально, хрюканью и т. д.

— Вотъ это, душенька, баранъ, — объясняетъ онъ, — понимаешь-ли, баранъ — бе, бе... Вотъ это — корова; знаешь, корова — му, му... Нервная дрожь пробѣжала по тѣлу гр. Сологуба при видѣ такой сцены, такой жалкой дѣлы чювѣка, изъ-за куска хлѣба принужденнаго согласиться на подобное знаніе. Онъ быстро вышелъ изъ комнаты, едва раслышавъ слова тетни, называвшей учителя «Николаемъ Васильчичемъ Гоголемъ...» Въ другой разъ гр. Сологубъ услышалъ, что въ одной изъ комнатъ дома происходить чтеніе. Онъ заглянулъ туда. Тамъ, среди дѣлаго сонма компаньоновъ и пріятельствъ его тетни, сидѣлъ Гоголь и читалъ про дивную украинскую «Майскую ночь». Вдругъ онъ остановился.

«Да гоголь не такъ тануется!» — Отчего не такъ? — вслѣдующая пріятельница, думая, что Гоголь обращается къ нимъ. А тотъ, добродушно унынувшись, съ удивительнымъ мастерствомъ продолжалъ монологу пынато мужика...

При свиданіи съ Жуковскимъ, гр. Сологубъ передаетъ ему объ этихъ сдѣлахъ. Высшей гуманности прошлаго вѣка, сообщая, что уже познакомившись и обмывавшись съ Гоголемъ, онъ сильно былъ занятъ мыслями, какъ-бы совбодитъ его отъ такихъ совѣтъ недостойныхъ занятій.

Благодаря дружбѣ съ Жуковскимъ и Пушкинскимъ, Гоголь вомелъ во многіе аристократическіе дома. На одномъ изъ вечеровъ московскаго губернатора Башкина среди другихъ гостей находился и онъ, представившій тутъ

стойно особеннаго вниманія, что даже такой просвѣщеннѣйшій чювѣкъ того времени, какъ С. Т. Аксаковъ, когда заняла рѣчь съ Гоголемъ о театрѣ, категорически заявилъ ему, что у насъ писать не о чѣмъ, что у насъ все такъ однообразно, гладко, прилично, что «даже глупости сдѣланы, не встрѣтишь, — свѣтъ глупости». «Эти неправды», — возразилъ Гоголь, — «когда-то кресте вездѣ, но жияя посреди его, мы только его не замѣчаемъ». Да и сами герои его комедіи считаютъ себя не хуже и не грубнѣе другихъ и вѣрять, что «все точно такъ ведется истари, и что такъ быть должно, и самимъ Богомъ такъ установлено». Комедіей Гоголя пожегъ конецъ такому нравственному услащенію и общественному признанію, что все у насъ идетъ гладко и прилично. «Въ «Ревизорѣ», — говоритъ Гоголь, — я ршеился собрать въ кучу все дурное съ Россіи, какое я тогда зналъ, и за одинъ разъ помянуть надъ всемъ. Но это произвело потрясающее дѣйствіе». Вотъ это нравственное потрясеніе слыней общественной совѣсти, это пробужденіе отъ оной-кой равнодушія въ окружающій развращенной дѣятельности, это разрѣшеніе слѣпнато общественнаго сознанія и есть громаднѣшая историческая заслуга этого безсмертнаго творенія.

Самымъ лучшимъ рецензентомъ «Ревизора» оказался самъ Государь Николай Павловичъ, присутствовавшій на первомъ представленіи этой комедіи. «Вотъ такъ была», — сказалъ онъ; — «всѣмъ досталось, а Мнѣ больше всѣмъ». Кому-же, какъ ни Егу первому, пришлось всѣмъ-глубже почувствовать, какая сила за властвуетъ въ Его царствѣ и открыто признать, что всѣ такіе герои достойны публичнаго осужденія и гласнаго позора?

Такимъ образомъ, этой комедіей положена основа общественному мнѣнію въ Россіи; отнынѣ зло должно прятаться, а не выдавать себя, какъ обычное явленіе, до котораго никому нѣтъ дѣла, кромѣ ревизоровъ. Да и не виднѣмъ-ли мы и нынѣ, какъ широко распространена «александровщина» во всехъ областяхъ общественной жизни, въ столицахъ и провинціяхъ, въ печати и сдѣлахъ, въ наукѣ и литературѣ?

Еще глубже по своему общественному значанію поема Гоголя — «Мертвыя души». «Она дѣлается, конкъ завершается поема, объясняетъ намъ силу смѣла, вызываемаго всѣмъ дѣятельнымъ въ нихъ героями. Заванчивая свою поему и жияя въ Римѣ, Гоголь токуетъ по Русской землѣ токою, летучею сердце; онъ крѣпко вѣрять въ быстрое движеніе Россіи впередъ въ величію и славу. «Не такъ-ли ты, Русь, что бойна неогонная тройка несется?» — восклицаетъ онъ и продолжаетъ: «скажешь, строятся и даютъ ей дорогу другіе народы и государства...» Отсюда неогонно вытекаетъ, что всѣ герои его поэмы, потерявшіе чювѣческой образъ, должны скоронаскоро остаться позади этой быстро несущейся тройки, сойти со сцены русскаго исторіи. Еще не такъ давно, въ царствованіе Александра I, писались большія сочиненія въ защиту крѣпостнаго права. Христіанская же душа Гоголя не могла мириться съ рабствомъ и раскрасла слезы, со сѣвномъ, какими низменными и уродливыми тишанъ написано помятвое дурничество. После его поэмы стало уже стыдно не только говорить, но даже и думать, что миллионы православнаго русскаго народа возможно оставлять въ рабствѣ Чичиковыхъ, Плюшкиныхъ, Маняшовыхъ, Цвѣтковыхъ, Собакевичей и Коробочекъ, кои возбуждаютъ неогонное отвращеніе своихъ нравственныхъ паденіемъ. Этой поемой въ общественномъ сознаніи уже разъ навсегда разрѣшено было крѣпостный вопросъ.

Но едва-ли когда-либо Чичиковщина имѣла такой просторъ и дѣйствовала съ такой свободой, какъ въ наше время. Сколько теперь переходимъ въ всей Русской землѣ работаетъ темными путями ради своей низины и обогащенія!

Геній, какъ мы сказали, выше своего вѣка. Не поняли и не оцѣнили его современники. Брань и оскорбленія сыпалась на него со всѣхъ сторонъ. Его объявили врагомъ общества, государственнаго и объявляли даже безбожникомъ. Такъ было съ появленіемъ «Ревизора». «Клянусь», — писалъ онъ, — «никто не знаетъ и ничто не слышитъ моихъ страданій; но по силамъ маю тоска, которую наносятъ мнѣ соотечественники».

Онъ уѣхалъ въ Римъ, чтобы отдохнуть душою. Но, назвавъ «Мертвыя души», онъ и здѣсь долженъ былъ переживать тяжкія обиды и адскую брань своихъ соотечественниковъ. Особенно же съ выходомъ въ свѣтъ «Переплски съ друзьями» послѣдова-

въ лицахъ разныхъ животныхъ изъ басенъ Крылова. Гости, какъ говорится, только-что стали входить во вкусъ великобѣднаго представленія, какъ оно было прервано совершенно неожиданнымъ пріѣздомъ знаменитаго гр. Мих. Ник. Муравьева, который не имѣлъ еще случая познакомиться съ Гоголемъ. Хозяинъ, представая нашего писателя новому своему гостю, сказалъ:

— Рекомендую вамъ моего добраго знакомаго, холла, какъ и я, Гоголя.

Послѣдному такая рекомендація, видимо, пришлась не по душѣ. На замѣчаніе Муравьева: — Мнѣ не случалось, кажется, останавливаться съ вами, — Гоголь очень рѣдко отвѣчалъ: — Быть можетъ, ваше превосходительство; но это дѣла меня большаго счастья, потому что я чювѣкъ большой и слабый, которому вредно воевое столкновеніе.

Прекрасно передавая чужія произведенія, Гоголь являлся замѣчательнымъ чтецомъ своихъ собственныхъ, тѣмъ болѣе, что они обладали актерскими способностями — простотою и естественностью въ воспроизведеніи, поднимавшимъ анимомъ и т. п. Въ семьѣ Аксаковыхъ упражненія Гоголя прочитавъ его новое произведеніе.

— Что это у меня?... Точно отпрыска!... — раздался его голосъ среди наступившей мертвой тишины.

Добродушные хозяева вспоминались; они испугались, умъ не обидѣли ихъ разстроилъ желудокъ Гоголя!... И только при дальнѣйшемъ чтеніи они убѣдились, что произнесенныи имъ такъ естественно и правдиво слова не что иное, какъ название его комедіи «Тяжба».

Продолжая знакомство съ гр. Сологубомъ, Гоголь посылалъ однажды и его тетку, Васильчичку, которая въ это время несла Гоголю бокай трауръ по случаю смерти ея матери. Гоголь вомелъ съ постой фантомной. Какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, завязался прескучный разговоръ о бременности всего земного. Надо думать, Гоголю это надоѣло; въ жиданіи-ли разсѣлится присутствующимъ тутъ же дѣтей или въ норыкъ своего юмеристическаго вдохновенія, но только онъ началъ предвѣдую и прелачивающую исторію про какого-то малороссійскаго помѣщика, у котораго умираетъ единственный, обладаемій

ли невѣроятныя обиды. «Эти удары», — пишетъ онъ, — «были такъ чювствительны для моихъ сердечныхъ струнъ, что дѣлалось само, какъ я остался еще живъ и какъ все это выдержало мое слабое тѣло».

И давно-ли стихли обиды для него сужденія? Даже въ наше время оцѣны называемыя «демонами смѣла» (Достоевскій), другой — «нѣтмомъ помятості» (Градковскій). Одинъ говоритъ, что онъ былъ писателемъ мертвымъ, который могъ обманывать въ чювѣкъ лишь мертвую ткань и неспособенъ былъ создать что-либо живое (Розановъ); другой — что онъ былъ обличителемъ, но «не помятъ своего призванія, не возвысился до гуманности, впасть въ мистицизмъ, и все пропало» (А. Веселовскій).

Недаромъ въ свое время восклицалъ Гоголь: «Вадно, нѣтъ пророку славы въ своей отчизнѣ!»

Но вотъ наступилъ часъ твоей славы, свѣтлый и благородный геній и пророкъ!

Вся Россія съ гордостью чувствуетъ имя твое! Прости ей старый грѣхъ ей предъ тобою — грѣхъ невѣдѣнія и неразумія!

Е. В. Барсовъ.

Н. В. Гоголь и русскія живопись и музыка.

Примѣровъ непосредственнаго вліянія писателя, художника, композитора на творчество дѣятелей въ области другого искусства — не много. На развитіе воискаго специфическаго таланта оказывалъ наибольшее давленіе созданіе того искусства, слушать которому какъ-бы предзнакомятся данный талантъ. Еще вѣрнѣе высказано Тензонъ помятості: на произведенія различныхъ искусствъ некинутому отражаются общественныя и художественныя теченія и направленія и ихъ эволюція, что, въ виду совпаденія или преемства во времени дѣятельности представителей разныхъ искусствъ, и можетъ навести на мысль о вліяніи одного изъ нихъ на другое.

Но если нельзя въ большинствѣ случаевъ, говорить о непосредственномъ вліяніи, т. е. о такомъ случаѣ, когда писатель или художникъ не только дѣлаетъ другому ящику искусства сюжетъ, но вводитъ его въ свой міръ, какъ-бы указывая ему путь въ ту или другую сторону, то часто можно съ полною вѣрностью предположить, что косвенно одинъ авторъ оказываетъ сильнѣйшее вліяніе на другого, если творчество обоихъ дѣлаетъ родственныя черты: такъ, художникъ, сдѣлавъ реальнаго направленія, читая писателя-реалиста, конечно упрѣляется въ своихъ убѣжденіяхъ. О такомъ вліяніи Гоголя на другія искусства въ Россіи только и можно говорить.

Гоголь былъ современникомъ Федотова (умеръ онъ въ 1852 г.). Федотовъ признается основателемъ реальнаго направленія въ русскаго живописи, Гоголь — въ русскаго литературы. Извѣстно, что Федотовъ сдѣлался изъ баталиста жанристомъ; по совѣту баенонца Крылова, распорившаго его талантъ въ карикатурахъ и наброскахъ, и несомнѣнно, что въ композиціи Федотова есть много общаго съ англійскимъ художникомъ Гогартомъ. Такъ какъ первая крупная картина Федотова была написана въ 1847 году, когда всѣ лучшія сочиненія Гоголя уже были извѣстны, то трудно предположить, чтобы Федотовъ ихъ не читалъ, а разъ онъ ихъ читалъ, то его чювства къ окружающій жизни душа непрѣрывно должна была откликаться на «Мертвыя души», «Ревизора», «Женитбу», «Колыску» и др. Послѣдователемъ Федотова былъ Перовъ; въ его творствѣ, однако, чаще можно найти нѣчто родственное Тургеневу, за-то у В. Е. Маковского мы снова встречаемся съ чертами, характерными для Гоголя: съ тонкою наблюдательностью, сатирико, безобиднымъ юморомъ, переходящимъ иногда чуть-чуть въ шаржъ, и любовью русскаго жизни. Если можно говорить объ повѣствованіи художественномъ родствѣ между Гоголемъ, Федотовымъ и Маковскимъ, то прирѣвомъ прямого заимствованія сюжетовъ картинъ изъ произведеній Гоголя очень мало. Однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ являются «Русалка» Крамскаго по «Майской ночи» и картины Н. Е. Рѣпина «Запорожцы». Это могло-бы показаться страннымъ въ виду Гоголева, разнообразія и яркости сдѣланныхъ Гоголемъ образовъ и высокой художественности картинъ, написанныхъ его воображеніемъ. Дѣло объясняется, впрочемъ, еще просто: наиболѣе родственные по духу Гоголю художники-реалисты (Федотовъ, отчасти Перовъ и Маковский) и не могли брать сюжетовъ изъ повѣсти или романа, а должны

были бытосписать прямо съ жизни — въ этомъ ихъ сила, значеніе и смыслъ. Но разъ въ «Въ четыре руки» Маковского не напомятось, по своему настроенію, «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», а между «Учителемъ рисованія» Перова и Акакіемъ Акакіевичемъ изъ «Шинели» нѣтъ чего-то общаго? Наши рисовальники чаще всего-таки о Гоголѣ: упоминаемъ объ имѣющихъ художественное значаніе иллюстраціяхъ Болденскаго, о высоталантныхъ иллюстраціяхъ и наброскахъ Микшина, Грутенскаго, Кившенко, о новѣйшихъ работахъ этого характера С. Корвинна и другихъ, и о безчисленныхъ рисункахъ и гравюрахъ, появляющихся въ нашихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Правда, эти рисунки и гравюры рѣдко выдавались надъ общими низкими урбемъ журнальныхъ картинокъ.

Если трудно найти сдѣлы вліянія писателя на художника, то еще труднѣе его сдѣлать по отношенію къ композитору.

Музыка, по существу, является языкомъ чювствъ, притомъ чювствъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ не поддающихся словесному опредѣленію. Правда, мы въ настоящее время имѣемъ удачные примѣры, когда произведеніе искусства обуславливало созданіе музыкальнаго сочиненія: многа изъ симфоническихъ поэмъ Листа навѣянны литературными произведеніями («Мазена», «Тассо», «Прелюдія» и «Гамлетъ»), его обѣ симфоніи («Данте» и «Фаустъ») имѣютъ тотъ-же характеръ. Симфоническая поэма «Витва Гиньяль» написана по въпечатлѣнію картины Каульбаха. Но въ данномъ случаѣ встаетъ вопросъ о вліяніи авторовъ этихъ произведеній на творчество Листа: все это было только сюжеты, подложныя для симфонической поэмы.

То-же самое придется сказать и о большинствѣ другихъ сочиненій этого рода. Можно говорить о вліяніи Пушкина на русскаго музыку. Въ «Русалкѣ» и «Людмиль» Глинка, въ «Русалкѣ» и въ «Камениномъ гостѣ» Арзамаскаго и въ «Ворѣхъ Годуновѣ» Мусоргскаго чювствуютъ, что композиторъ бралъ не только сюжеты Пушкина, но что онъ стремился помятъ и уловить самый духъ пушкинскаго поэмы. Но въ большинствѣ оперъ на пушкинскіе сюжеты мы имѣемъ дѣло только съ заимствованными сюжетами, и если мы все-таки говоримъ о вліяніи Пушкина на русскаго музыку, то потому, что геній Пушкина мощною рукою двинулъ все русское искусство, а, следовательно, и нашу музыку, по національному направленію.

Многа изъ повѣстей Гоголя помяты такой высокой поэзіи, — такой, не вышедшей только въ зрѣлыхъ, музыкантъ, что обѣ должны были вдохновить композиторовъ, и въ этомъ смыслѣ Гоголь несомнѣнно повліялъ на русскаго музыку, давъ своимъ сюжетами толчокъ къ созданію оперъ, изъ которыхъ нѣтъ занимающія почетное мѣсто въ нашей оперной литературѣ: достаточно указать на «Майскую ночь» и «Ночь передъ Рождествомъ» Н. А. Римскаго-Корсакова и на «Черевички» Чайковскаго. «Ночь передъ Рождествомъ» прежде всего вдохновля Федотова, но онъ умеръ, не успѣвъ написать оперы. Либретто для него написалъ Пюлюскій. Тогда былъ объявленъ, по желанію Великой Княгини Елены Павловны, конкурсъ на сочиненіе оперы по либретто Пюлюскаго. На этомъ конкурсѣ взялъ премию Чайковскій, опера котораго, изъ «Буачека Вулкамъ» нереминувшая впоследствии въ «Черевички», идетъ въ настоящее время въ театрѣ Солодовникова.

На тотъ-же сюжетъ существуютъ оперы: петербургскаго композитора Н. Ф. Соловьева, Н. А. Римскаго-Корсакова и малороссійскаго композитора Лясенко («Рѣзвая ночь»). «Майская ночь» вдохновля Н. А. Римскаго-Корсакова, написавшаго очаровательную оперу, въ которой онъ лучше другихъ сдѣлалъ и передавалъ звуками и поэзію Гоголя, и его юморъ. Въ этомъ отношеніи «Майская ночь» выше «Черевички» Чайковскаго, которая, въ свою очередь, ближе къ Гоголю, чѣмъ «Ночь передъ Рождествомъ» Римскаго-Корсакова. На сюжетъ «Тараса Бульбы» осуществлены оперы Сокольскаго, Шуровскаго и Капшарова.